

МИСТЕЦТВОЗНАВСТВО

DOI: <https://doi.org/10.32839/2304-5809/2019-4-68-71>

УДК 7.03:7.001.12

Филиппова О.Н.

Ассоциация искусствоведов (г. Москва)

ТВОРЧЕСТВО П.М. ШМЕЛЬКОВА – ПОСЛЕДОВАТЕЛЯ П.А. ФЕДОТОВА

Аннотация. Ранний московский жанр XIX века еще плохо изучен; он оставил незначительные следы в истории русской живописи и больше всего обозначен в этой истории, как тенденция, чем, как реальность. Мы можем полагать, что в 1830-1850-е годы самой распространенной была тропининская традиция, которая в отношении построения жанрового произведения, была еще более далекой от П.А. Федотова, чем венециановская. Но В.А. Тропинин продиктовал московской линии привязанность к природе, интерес к «типажу», ставший распространенным в 1840-е годы в графике, и тяготение к простонародности, столь существенной для всего русского жанра XIX столетия [7, с. 73]. К тому же московская традиция была более свободной от академизма. В силу этого у нее были более далекие перспективы. Петр Михайлович Шмельков (1819-1890), как раз и оказался единственным звеном, соединяющим петербургские и московские традиции. Он начал с подражания П.А. Федотову (1815-1852). Его «Сборы в театр» (1850, ГТГ), созданные в год федотовской выставки в Москве, ясно свидетельствуют о том, что молодой москвич следовал сепиям 1840-х годов, не только показанным, но и поясненным словесным сопровождением [7, с. 73].

Ключевые слова: творчество П.М. Шмелькова, последователь, зарисовки, акварель, график, иллюстратор, мастер сатирической журнальной карикатуры, детская тема в творчестве художника, педагогическое дарование, историческая тематика.

Filippova Olga

Association of art critics (Moscow)

THE CREATIVE WORK OF P.M. SHMELKOV – FOLLOWER P.A. FEDOTOV

Summary. The early Moscow genre of the XIX century is still poorly studied; it left minor traces in the history of Russian painting and is most marked in this history as a trend than as a reality. We can assume that in the 1830-1850-ies the most common was the Tropinin tradition. "Boy with a cage" S.I. Gribkova (1850, Private collection in St. Petersburg), "Kosar" V.G. Khudyakov (1847, Kazan, Museum of fine arts of the Republic of Tatarstan), "Pryakha" K.P. Bodri (Simferopol art Museum) – are typical "representatives" of this genre, marked by the features of the famous sentimentality. We can list a number of names that have not come down to us genre works of the Moscow school, which, judging by the plots, can also be attributed to the Tropinin line. The spread of this trend in Moscow art at the time associated with the "dozaryankovsky" period (as you know, S.K. Zaryanko came to the School of painting, sculpture and architecture in 1856). If this trend was progressive because of the attention to casual phenomena of life, in respect of building works tropinina genre tradition is still far from P.A. Fedotov than venetsianovskoy. But, V.A. Tropinin, Moscow dictated the line of attachment to nature, interest in the "type" that became common in the 1840-ies in the chart, and the attraction to the vulgar which are so essential to the whole of the Russian genre of the nineteenth century. In addition, the Moscow tradition was more free from academism. Because of this, she had more distant prospects. Peter Mikhailovich Shmelkov (1819-1890), just turned out to be the only link connecting the St. Petersburg and Moscow traditions. He began by imitating P.A. Fedotov (1815-1852). Him "Fees to the theatre" (1850, GTG), established in the year fedotowsky exhibition in Moscow, was a clear indication that the young Muscovite followed sepia of the 1840-ies, not only shown, but also explained the verbal accompaniment. In 1859, P.M. Shmelkov with A.P. Golitsyn created a kind of physiological collection of the 1840-ies – in this edition ("Laughter through tears") essay of the writer and the artist's drawing exist on an equal footing, and in the process of creating drawings sometimes preceded essay. This fact of direct appeal to the traditions of the natural school of the 1840-ies once again shows that P.M. Shmelkov connects two important stages in the history of Russian painting and drawing. Further, P.M. Shmelkov had to convert fedotowsky manner, which he successfully did by the turn of the 1850-1860-ies.

Keywords: the creative work of P.M. Shmelkov, follower, sketches, watercolor, chart, illustrator, master of satirical magazine caricature, children's theme in the artist's work, pedagogical talent, historical theme.

Постановка проблемы. Трудно сложилась судьба художника-демократа Петра Михайловича Шмелькова – выдающегося графика середины XIX века, последователя П.А. Федотова. Всю жизнь ему пришлось бороться с трудностями. Известность пришла к нему лишь после смерти. Сам П.М. Шмельков считал себя «несостоявшимся» художником [5, с. 3]. Тяжелые жизненные условия оказались помехой для развития этого замечательного таланта.

Анализ последних исследований и публикаций. О П.М. Шмелькове не создано ни одной, сколько-нибудь исчерпывающей монографической работы. Все, что было написано о художнике до середины 1950-х годов, включая и два, вышедших тогда же монографических очерка: А.М. Козлов. П.М. Шмельков (М., 1949); А.М. Кантор. П.М. Шмельков (М., 1950) дают очень неполное, а в первом случае даже неверное представление о художнике [2; 3]. Это объясняется тем, что все исследователи, писавшие о

П.М. Шмелькове, были вынуждены опираться на крайне скудные, а во многом и на неточные фактические сведения. В отношении П.М. Шмелькова не была также проделана самая первичная работа по собиранию и систематизации фактического материала. За исключением одного А.М. Кантора все исследователи в изучении художественного наследия П.М. Шмелькова не пошли далее тех работ, которые были опубликованы в альбоме, составленном С.В. Васильевым и изданном П.И. Харитоненко в 1890-1891 гг. [6]. Цель данной публикации, на основе библиографических источников, раскрыть творчество П.М. Шмелькова, проанализировать его работы.

Петр Михайлович Шмельков родился 12 июня 1819 года в семье бедного крепостного крестьянина Оренбургской губернии. Рано пробудившиеся способности круто изменили судьбу мальчика. По свидетельству С.В. Васильева, он «составлял из грязи и глины краски и рисовал на чем попало» [4, с. 675]. Когда семья его переселилась в Ковровский уезд, Владимирской губернии, П.М. Шмельков с помощью знакомых бежал в Москву к учителю рисования, фамилия которого, осталась неизвестной. Москва неприветливо встретила беглеца: начались годы лишений и скитаний. Учитель рисования, живший у Дорогомилловской заставы, не старался передать ему свои знания. «Метод обучения» был примитивен: он заключался в ежедневном срисовывании пятидесяти носов, ушей и т.д. [4, с. 676]. Убедившись в том, что учителю он был нужен, как слуга, даровой работник, мальчик сбежал к иконописцу. П.М. Шмельков чувствовал недостаточность своих познаний, он хотел овладеть не только рисунком, но и живописью.

Возможно, что это и побудило его обратиться к иконописи. У первого иконописца он пробыл недолго, лишь у второго он прожил четыре года, где «еще неумелый, еще необученный, – как рассказывает С.В. Васильев, – должен был писать образа» [4, с. 676]. А в свободное время, чтобы не умереть с голоду и как-нибудь свести концы с концами, приходилось за сапоги, одежду или пять рублей ассигнациями писать портреты чуть ли не в натуральную величину. В таких тяжелых условиях многие удовлетворились бы карьерой ремесленника-иконописца, но П.М. Шмельков мечтал о большем. Недюжинные способности и горячее желание стать художником привели его в недавно, возникший в Москве Художественный класс, из которого образовалось позднее известное Училище живописи и ваяния. На талантливого крепостного, принадлежавшего графу В.Н. Зубову, новая среда подействовала хорошо. Быстро, продвигаясь из класса в класс, он в 1843 году добивается первого значительного успеха. Его картина «Чтение евангелия в сельской церкви» посылается в числе лучших в Академию художеств [4, с. 676].

За эту картину он в 1845 году получает звание свободного художника. Успехи, оказываемые крепостным художником, заставили его владельца, состоявшего действительным членом Московского художественного общества, выдать П.М. Шмелькову в 1843 году «вольную» [4, с. 676]. Молодой художник был освобожден от крепостной зависимости накануне торжеств,

вызванных переименованием Художественного класса в Училище живописи и ваяния. Художественный класс был признан академическим Советом Академии художеств «первым и лучшим из всех заведений сего рода в России» [4, с. 676]. Получение звания свободного художника означало завершение обучения, но П.М. Шмельков, проявивший незаурядные способности, был оставлен при Училище. Назначенная ему стипендия облегчила материальное положение – он всецело отдается творчеству. Уже в 1847 году он исполняет картину «Расказ отставного солдата на родине» и награждается за нее серебряной медалью второго достоинства [4, с. 676].

Творческие удачи сопутствовали молодому художнику: он быстро выделился своими способностями. Но, однажды, преподаватель училища, профессор Ф.С. Завьялов (1810-1856) пригласил своих учеников посмотреть законченные им образа. В числе приглашенных, оказался и П.М. Шмельков, который откровенно высказал свое мнение о низком качестве исполнения работ. Отзыв молодого художника был Ф.С. Завьялову не по душе. Он затаил обиду, и вскоре П.М. Шмельков лишился стипендии и права экспонировать и продавать свои работы с выставок, организуемых Училищем. Предложение инспектора кадетского корпуса выручило художника из затруднительного положения. П.М. Шмельков становится преподавателем рисования в Кадетском корпусе. Иного выхода для него тогда не было. Вскоре, после поступления на службу П.М. Шмельков женился. Пришлось до отказа загрузить себя работой в Кадетском корпусе и искать частных уроков в богатых домах. Те, немногие свободные часы, которые оставались у него от вечной беготни и мытарств, П.М. Шмельков целиком посвящает творчеству.

Его планы были связаны с получением пенсии, которая дала бы возможность целиком заняться любимым делом. Мысль о создании картины не покидала художника до последних дней его жизни. К своим зарисовкам он относился сначала, как к подготовительной работе. Однако, достижения А.А. Агина (1817-1875), П.А. Федотова (1815-1852) и В.Ф. Тимма (1820-1895) убедили П.М. Шмелькова в широких возможностях, предоставленных художнику графикой. Трудно сказать, как сложилась бы творческая судьба П.М. Шмелькова, если бы в самом начале своего пути он не обратился бы к искусству П.А. Федотова. Первый из сохранившихся рисунков П.М. Шмелькова отмечен влиянием великого русского реалиста. Приезд в Москву П.А. Федотова, уже зрелого, сложившегося мастера, для московских живописцев, в том числе и для П.М. Шмелькова, был целым событием. Выставки работ П.А. Федотова, устроенные в 1850 и 1854 годах в стенах Училища живописи и ваяния, превратились в своеобразный творческий отчет художника. Эти выставки, безусловно, имели сильное влияние на начинающего П.М. Шмелькова. Он смог заглянуть в творческую лабораторию крупного мастера, обогатиться новыми приемами. Сатирическая заостренность работ П.А. Федотова помогла молодому художнику глубже понять жизнь, увидеть «трагедию, грозно, выглядыва-

ющую из-за веселой и потешной наружной ширмы» (по мнению русского историка В.В. Стасова) [4, с. 678]. Творчество П.А. Федотова вдохновило П.М. Шмелькова на самостоятельные поиски. В 1850 году он создает акварель: «Сборы в театр»; в ней есть еще некоторая связанность, робость, не изжитая академическая условность, но уже чувствуется богатое дарование жанриста, тонкого психолога, остро и пытливо, воспринимающего жизнь (илл. 1) [4, с. 678].

П.М. Шмельков заимствовал у П.А. Федотова не только манеру исполнения: он увидел основное – драму, скрытую во внешне комическом. Акварель: «У закладчика», относящаяся к этому же периоду, говорит о глубине творческих устремлений молодого художника [4, с. 678]. Тема власти денег и горькой участи беспомощной бедной девушки, подсказана П.М. Шмелькову – П.А. Федотовым. Остается невыясненным, сказалось ли влияние П.А. Федотова на творчестве П.М. Шмелькова-живописца, – картины его этого периода неизвестны. Бесспорным и несомненным остается другое: влияние П.А. Федотова на молодого художника было настолько велико, что определило собой почти всю его творческую судьбу. Самое интересное и ценное в работах П.М. Шмелькова связано с прямым продолжением и развитием творческого метода П.А. Федотова. Это сказалось, прежде всего в том, что П.М. Шмельков, научившись видеть жизнь в ее противоречиях и социальных контрастах, значительно расширил тематику своих работ.

Углублялся и метод раскрытия верно найденных тем: в жанровых рисунках П.М. Шмелькова рождались новые приемы построения сюжета и сатирически острого и глубокого раскрытия характера героев. Поэтому, хотя П.М. Шмельков нам больше известен, как график, как иллюстратор и мастер сатирической журнальной карикатуры, можно с полным правом утверждать, что в рисунках своих он явился, несомненно, предшественником жанристов 1860-х годов. В своих рисунках 1850-1860-х годов он развернул широкую картину московской жизни. Приказчики и купцы, нищие и баре, базарные торговки и мещанки, балерины и монахини, бродяги и праздные франты, лоточники и важные чиновники – вот его герои. Пестрая, шумная жизнь большого города давала художнику неисчерпаемый материал для зарисовок. В противоречиях современной действительности помогали ему разбираться благородная преданность делу народа, горячая любовь к оскорбленным и униженным.

Осуждая угнетателей, он находил слова искреннего участия и сочувствия для угнетенных. Постепенно П.М. Шмельков овладевает выразительностью графического языка, освобождается от условностей академического рисунка, от связанности и робости штриха. Художник, совершенствуя свою четкую и меткую манеру рисунка, накапливал жизненные впечатления, углублял остроту и выразительность характеристик. Поскольку, П.М. Шмельков хорошо знал жизнь московского купечества, в которой скупость сочеталась с жульничеством, расчетливое скопидомство – с бесшабашным разгулом, показная религиозность – с циничным и холодным расчетом чистогана, то художник терпеливо и настойчиво

Илл. 1. П.М. Шмельков. «Сборы в театр». 1850 г. Бумага, акварель // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

исследует нового хозяина общественной жизни. Так, возникает целая серия рисунков, посвященная обличению «темного царства» [4, с. 681]. Рисунок «Сбор купцов на именины» (ГТГ, 1857) как бы открывает эту серию [4, с. 681]. П.М. Шмельков показывает купеческую чету в интимной обстановке. «Сам» он, тяжело отдуваясь, сидит на массивном кованом сундуке – от ожирения не в состоянии натянуть сапог [4, с. 681]. У его супруги тоже несчастье – не оттягивается платье, все усилия служанки помочь ей ни к чему не приводят.

Это лишь частный эпизод из жизни купца, но он типичен. «Темное царство» представлено здесь во всех своих недостатках [4, с. 681]. Образ купца-самодура, властителя, его ничтожная натура привлекала внимание художника. П.М. Шмельков стремился всесторонне обрисовать и охарактеризовать представителей московских толстосумов. Он показывал купца то подобострастным и любезным, то заносчивым и гордым, то трусливым и подозрительным. Перед пришедшим к нему важным гостем («Важный гость», рисунок, 1857, ГТГ) он заискивает: изогнувшись, с масляной улыбкой, он приглашает важного, осанистого чиновника к столу (илл. 2) [4, с. 682].

Илл. 2. П.М. Шмельков. «Важный гость». 1857 г. Бумага, карандаш // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Семейство его всполошилось: все задвигались, засуетились, очищая место для почетного и нужного гостя, впопыхах застегиваются сюртуки на все пуговицы, принимается радушный и подобострастный вид. Гость преисполнен начальственной строгости. Он в меру снисходителен, в меру приветлив. Всем своим видом он дает понять, что семейство купца осчастливлено его посещением.

Илл. 3. П.М. Шмельков. «По носкам». 1846 г. Бумага, итальянский карандаш, акварель // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 4. П.М. Шмельков. «Игра в шашки». 1849 г. Бумага, акварель // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

П.М. Шмельков, зарисовывая эту сценку, ничего не утрирует, он правдив и искренен в своей работе. Тот же самый купец, но уже в трактире («Поздравление с масленицей», рисунок, 1857, ГТГ) [4, с. 683]. Здесь он чувствует себя господином, важной персоной. Развалившись, он благосклонно взирает на поздравляющих его с масленицей половых. Художник не ограничился обличением представителей «темного царства» [4, с. 683].

Его рисунки этого периода – это подробный рассказ о жизни Москвы 1860-х годов. С большой наблюдательностью П.М. Шмельков рассказывает о жизни московских мещан, с юмором и сарказмом поведал П.М. Шмельков в рисунках, хранящихся в Государственном Русском музее, о «правах», царивших в кадетском корпусе [4, с. 684]. Ряд его рисунков посвящен детской теме. П.М. Шмельков одним из первых создал галерею жизненно правдивых образов и с большой художественной выразительностью показал современную ему действительность. Сила его рисунков – в правдивости описания. В них нет домыслов, они построены на фактах реальной действительности. Он зарисовывает только то, что видит, но умеет увидеть существенное, отобразить главное, выявить основное. П.М. Шмельков постепенно достигает предельной отточенности характеристик. Двумя-тремя штрихами он воссоздает обрюзгшего волокиту, праздного фланера и миловидную барышню («На бульваре», ГТГ); разжиревшую монахиню и простых ремесленников («Монахиня сборщица в трактире», ГТГ) [4, с. 684].

Лучшие карандашные рисунки этого периода отличаются острой выразительностью и предельным лаконизмом графического языка, смелой манерой намеков и недомолвок, слитых в одно целое, создающих живую картину нравов большого города. Размышления о непростой доле женщины не покидают П.М. Шмелькова и в этот период. Тема эта нашла свое новое и глубокое решение в рисунке «Сватовство» (1857, ГРМ) [4, с. 684]. Молодую женщину, очевидно, крепостную горничную, сватают за нелюбимого, с ее возражениями не считаются. Умелое четкое композиционное построение в этом рисунке сочетается с тактичным введением необходимых деталей, помогающих раскрыть смысл события. Автолитографические рисунки П.М. Шмелькова к книге А.П. Голицынского «Смех и слезы» (1859), а в особенности к его же «Очеркам из фабричной жизни» 1861 года, были еще более социально острыми. П.М. Шмельков, опираясь в них на предшествующие свои рисунки, выступал здесь трезвым реалистом, неутомимым наблюдателем народной жизни. Галерея типов, выведенных П.М. Шмельковым в иллюстрациях, была обширна. В богатстве представленных характеров, в умении выделить основную тему и попутно развернуть второстепенные сцены чувствуется творческое усвоение заветов П.А. Федотова. Они достойно завершают целую полосу исканий художника. Одновременно продолжается работа акварелью. Она постепенно вытесняет карандашный рисунок, начинает главенствовать. Наброски, выполненные акварелью, сначала не были глубокими («По носкам», «Игра в шашки», ГТГ) (илл. 3, 4) [4, с. 686].

В них преобладало простое желание смешить. Впрочем, характеристики персонажей всегда были ядовитыми и не превращавшимися в карикатуру. Художник упорно и настойчиво оттачивает мастерство выполнения своих работ. Он добивается создания оригинальной манеры, сочетающей акварельную технику с рисунком. Смелым штрихом, единым росчерком он передает мгновенные движения, случайный поворот, несколькими ударами карандаша воссоздает характер персонажей. Виртуозное владение акварелью помогало ему углубить эти характеристики. Лучшие его работы этого периода построены в скупой, но чрезвычайно выразительной цветовой гамме. Он умело использует цвет бумаги, включая его в общее тональное построение. П.М. Шмельков становится известным художником, за ним утверждается слава жанриста. Вместе с тем, развернулось и его педагогическое дарование. Рисование в кадетских корпусах, где он был учителем рисования, считалось второстепенным и необязательным предметом, но П.М. Шмельков сумел так поставить дело, что его уроки привлекали все больше и больше молодежи.

Он увлекал будущих офицеров силой своего дарования. Ученики начали подражать его острому и метким рисункам и достигли, видимо, немалых результатов: наброски их хранились долгое время в музее кадетского корпуса. Интерес, проявленный кадетами к необязательному предмету, обеспокоил начальство: оно не рассчитывало выпускать из корпуса художников. Дело это заинтересовало и высшее начальство. Было доложено царю. Результат оказался неожиданным. П.М. Шмелькова «пожаловали» наградой: золотыми часами с портретом царя [4, с. 688]. Таким образом, награждением бывшего крепостного Александр II хотел лишний раз подчеркнуть свою «отеческую заботу» о человеке из народа в момент общественного движения накануне пресловутой крестьянской реформы [4, с. 688].

Оживление общественной и художественной жизни Москвы в 1860-х годах вызвало новый расцвет сатирического дарования П.М. Шмелькова. Сознательно и целеустремленно встать на путь обличения ему помог и расцвет сатирической журналистики в эти годы. Обостренный интерес, проявленный к сатире, объяснялся тем, что она являлась одной из форм критики, осуждавшей социальные отношения, мораль и быт. Сатирические устремления П.М. Шмелькова приобретают теперь особую осмысленность и тенденциозность. Пристальное изучение представителей «темного царства» дало П.М. Шмелькову богатый материал; накопленный опыт ждал своего обобщения [4, с. 688]. Художник завершает эти поиски в акварели «Купец у фотографа» (1857, ГТГ) (илл. 5) [4, с. 688].

В ней изображено ателье фотографа. В окружении тяжело свисающего драпри, мраморной вазы с пальмой и бутафорской балюстрады купец разместился перед аппаратом фотографа. Опершись на край мраморной колонны и отставив руку с цилиндром, он изогнулся в вежливом поклоне, чтобы спрятать свой непомерно большой живот. Он хочет предстать элегантным кавалером с изящными манерами светского щеголя, воспитанным и деликатным человеком. Но, ни торжественная парадная обстановка, ни специальный станок

Илл. 5. П.М. Шмельков. «Купец у фотографа». 1857 г. Бумага, акварель, карандаш, 29,0 × 20,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

не могут спасти положение: пышная декорация лишь подчеркивает равнодушно-тупую физиономию купца с заплывшими глазами, а «элегантная» поза выдает опытного зазывалу из торговых рядов [4, с. 689]. Рисунок построен на гротескном сопоставлении, расплывшейся туши купца и фотографа, превратившегося в фантастическое существо на пяти тонких ножках.

Однако, такт художника-реалиста помог П.М. Шмелькову удержаться в границах правдоподобного. Сложное переплетение конкретного, реального и стоящего на грани гротеска усиливает выразительность рисунка, не нарушая реальности образа в целом. Конкретная сцена становится глубоко типичной и характерной. Только предельно, выявив натуру купца, П.М. Шмельков смог создать образ, объединивший ранее найденные черты, характеризующие представителей «темного царства» [4, с. 689]. Рисунок перерос рамки жанровой сцены: он был значительным завоеванием в области сатиры, острой и действенной, углубленной силой социального обобщения.

Первые сатирические журналы, в которых сотрудничал П.М. Шмельков, появились в Москве на рубеже 1860-х годов: в 1859 году – «Развлечение», а через два года – «Зритель» [4, с. 689]. Мог ли сатирический дар П.М. Шмелькова развернуться в этих журналах уделом, которых, стали остроумничанье и бессодержательность? Художник скоро убедился, что сотрудничество в них может лишь немного облегчить его материальное положение. Жизненные трудности заставляли его отказываться от многого в угоду общему направлению этих журналов: лучшие рисунки приходилось перерабатывать, упрощать. Легкость штриха, воздушность и пространственность тонов, смелая эскизная манера – все это пропадало, огрублялось посредственными граверами. Но, худшее было впереди: надвигались годы цензурного террора. Единственный в Москве сатирический журнал «Развлечение» («Зритель» прекратил свое существование в 1863 году из-за недостатка подписчиков) принимал откровенно монархическую, реакционную окраску [4, с. 689]. Сотрудничество в журнале становилось все более тягостной и ненавистной рутинной работой. В это время работы художника у посетителей выста-

Илл. 6. П.М. Шмельков. «Охота пуще неволи (Рыболов)». 1860 г. Бумага, акварель // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 7. П.М. Шмельков. «Тайком от жены (у шкафчика)». 1865 г. Бумага, акварель // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

вок, организуемых Московским обществом любителей художеств, успехом вообще не пользовались. Беспощадная правдивость и сатирическая меткость его рисунков резали глаз, а мастерство исполнения могли по достоинству оценить лишь немногие. Сузился круг тем.

В 1860 году П.М. Шмельков написал акварельный рисунок «Охота пуще неволи (Рыболов)», в котором он повествует о старичке-рыболове терпеливо, дожидаящемся улова (илл. 6) [4, с. 690].

Увлечение ловлей было так велико, что он забыл о непогоде, о вьюге, сквозь которую едва виднеются башни Кремля. Правдив и выразителен бесхитростный рассказ о мальчике-птицелове («Птицелов», акварель, ГРМ) [4, с. 690]. Зябко съжившись, прижавшись к шершавому стволу раскидистого дерева, птицелов настороженно замер в предвкушении удачи: маленькая пичужка сидит уже рядом с клеткой; чуткая тишина посеннему унылого, нагого леса как бы подчеркивает настороженное ожидание мальчика. Показывая незатейливые развлечения, скромные радости обывателей, П.М. Шмельков далек от их идеализации. Юмористическая меткость и трезвый подход художника-реалиста помогают ему обрисовать, одуревшего от скуки отставного офицера («Тайком от жены (у шкафчика)», акварель, ГТГ) (илл. 7) [4, с. 690].

Воспользовавшись моментом, когда жена его, желчная и костлявая старуха, углубилась в раскладывание пасьянса, он осторожно открыл дверцу шкафчика и нацедил настойку. Изрядно, покрасневший нос его свидетельствует, что это привычная операция, которую он постоянно повторяет.

Немногими деталями, почти намеками, П.М. Шмельков сумел живо воссоздать типичную картину мещанского уюта, доживающих свой век стариков. П.М. Шмельков с душевной болью воспринимает судьбу маленького человека. Сценку, изображенную в акварели «Нищая (в ресторанчике)» (ГТГ), типичную для московской жизни, он смог увидеть в захудалом ресторанчике (илл. 8) [4, с. 690].

Старая, замызганная обстановка, пестрые, полинялые обои, уродливый занавес над дверью – во всем этом смесь убожества и претензии на роскошь. Перед стариком, развалившимся после сытного обеда на диване, стоит девочка-нищая, почти ребенок, с протянутой за подающей рукой. Вид ее необычен: она в рваных опорках, в стареньком платье и застиранном платочке, но в богатой плюшевой кацавейке. На ее лице лежит печать отупения, порока и несвойственной детям скорбной печали. Глаза ее равнодушно и как-то невидяще смотрят на молодящегося старика с черными покрашенными усами, пожирающего ее хищным взглядом. Цинизмом, душевной опустошенностью веет от старого прожигателя жизни, и, хотя его рука опустилась в карман за милостыней, о характере его истинных намерений догадаться нетрудно. В глубине, из-за стойки, косо поглядывает трактирщик – он привык не замечать подозрительных нищенок в нарядах с чужого плеча. Простая жанровая сценка приобретает неожиданную остроту и выразительность. Тема печальной участи девушки,

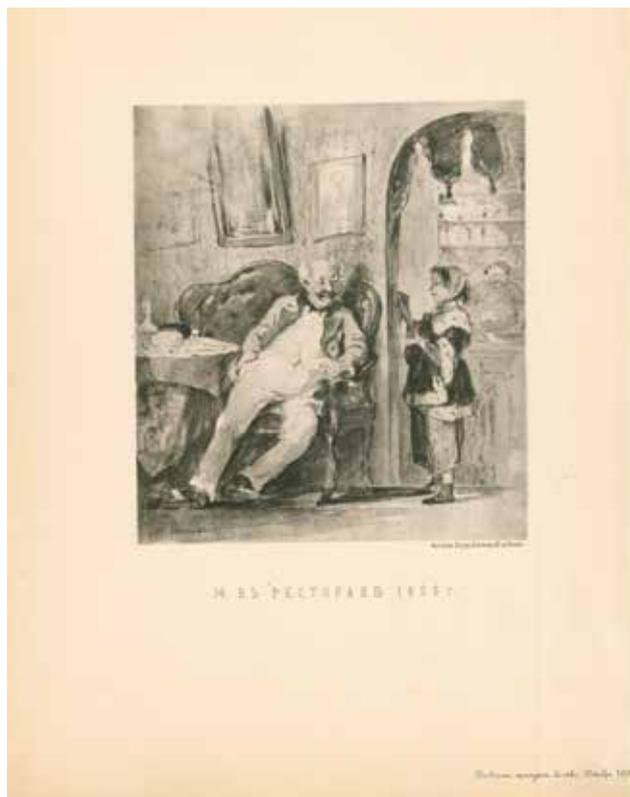
начатая П.А. Федотовым («Бедной девушке краса – смертная коса»), в акварели П.М. Шмелкова нашла достойное продолжение [4, с. 692]. В картине «У родильного приюта» (ГТГ) и рисунках к ней жанровый мотив приобрел особую психологическую глубину и выразительность [4, с. 693] (илл. 9).

Тусклый, мигающий свет фонаря выделяет темными пятнами фигуры старухи и женщины и вывеску над дверью – «Родильный приют» [4, с. 693]. Обессиленная страданиями, молодая женщина устало склонилась на плечо старухи. Ждать приходится, видимо, долго: костлявая рука старухи яростно дергает звонок. Контраст тусклого света фонаря и холодного хмурого неба рождает мрачное, тяжелое чувство отчаянья, одиночества и тупой, ноющей боли. В дальнейших своих работах художник все больше и больше обращался к семейно-бытовой тематике. Сатирик-реалист, обличитель общественных нравов, рассказывает теперь о семейных несчастьях, ссорах, о мелочах быта («У постели больной», «Жанровая сцена», акварели, ГТГ) [4, с. 693]. Наброски выполнены с душевной болью и внутренней смятенностью. Графические работы П.М. Шмелкова превращаются в своеобразные листы интимного дневника, полного лирической глубины повествования о жизненных невзгодах, и, как записи в дневнике, они аккуратно помечены годом, месяцем и числом – явление редкое для П.М. Шмелкова. Двадцатого октября 1868 года была выполнена акварель «Больное дитя» (илл. 10) [4, с. 693].

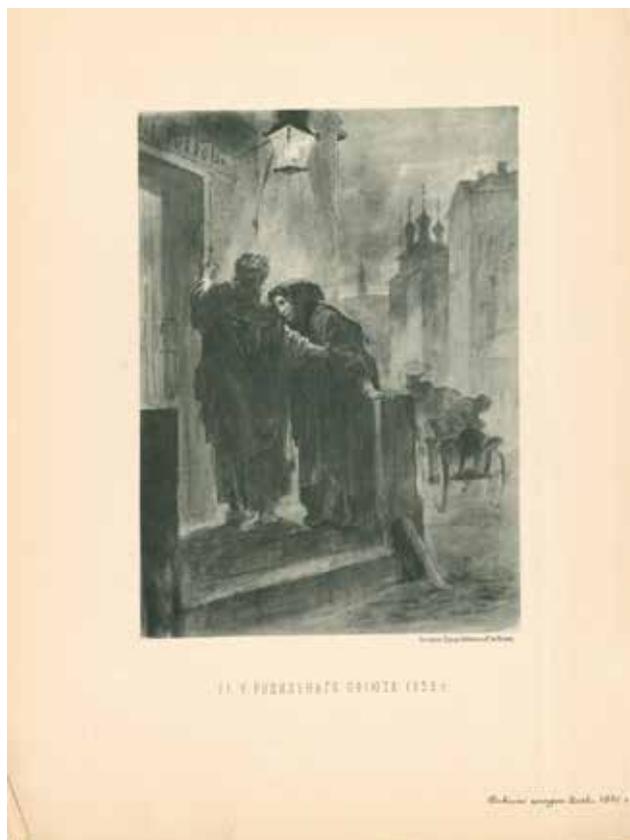
Тяжело, задумавшаяся старушка склонилась над разметавшимся в жару мальчиком. Нервный, лихорадочный штрих, контрастное освещение передают с большой выразительностью тревожную сцену. Предельный лаконизм выражения сочетается со сдержанностью и тактом большого художника-психолога.

Особое место в творчестве П.М. Шмелкова в это время занимает историческая тематика. Интерес к национальному прошлому, пробудившийся в русском обществе в середине XIX века, захватил и П.М. Шмелкова. Зарисовывая в Кремле памятники древнерусской архитектуры, он стремится постичь замыслы зодчих («Окно теремного дворца со стороны Оружейной палаты и вид патриаршего двора», «Вид на колокольню Ивана Великого от теремов», акварели, ГТГ) [4, с. 693]. Архитектура, орнамент, утварь – ко всему этому он относился, как к свидетелям русской истории, живому воплощению старины. Внимательное изучение памятников прошлого помогло художнику быть правдивым в его рисунках, а жанровая трактовка оживляла их выразительностью типажа, жеста, мимики, позы. Лучшие композиции на историческую тему были согреты тонким юмором, отличаются единством впечатления, подкупающей достоверностью («Приготовление к казни», 1864; «Иван Грозный смотрит на комету», 1864, акварели, ГТГ) (илл. 11) [4, с. 693].

Однако, отношение к исторической теме у П.М. Шмелкова вскоре круто изменилось. В далеком прошлом художник увидел идиллическую тишину и безмятежность, она рисовалась ему тихим счастьем, жизнью спокойной и равно-

Илл. 8. П.М. Шмелков. «Нищая (в ресторанчике)». 1856 г. Бумага, итальянский карандаш, акварель // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 9. П.М. Шмелков. «У родильного приюта». 1852 г. Бумага, итальянский карандаш, сепия // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

вешенной («Угощение», акварель, ГТГ) [4, с. 693]. Здесь, нет и тени отрицания или хотя бы самого робкого вызова. Не находя в действительности положительного идеала, он все чаще и чаще прибегает к нарочитому возвеличению исторических личностей («Отказ патриарха Гермогена подписать бумагу в пользу поляков», акварель,

Илл. 10. П.М. Шмельков. «Больное дитя». 1868 г. Бумага, графитный карандаш, итальянский карандаш, акварель // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 11. П.М. Шмельков. «Иван Грозный смотрит на комету». 1864 г. Бумага, акварель, белила // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

«Иван Нарышкин и стрелы», рисунок, ГТГ; «Самосожигатели», акварель, ГРМ) (илл. 12) [4, с. 693].

Тогда само повествование становится напыщенным и сухим, действие – театрально-условным, а документальная точность аксессуаров воспринимается, как театральный реквизит, обычно, дополняющий сценическое действие. Оторванность от жизни, замкнутость в узком кругу бытовых тем, нищета содержания вскоре вызвали и утрату истинной художественности, достигнутой в предшествующие годы расцвета. Эффектные цветовые сочетания, повышенная звучность и яркость красочной гаммы, широкая размашистая манера письма не могут скрыть пустоты содержания и чисто внешней выразительности типажа («Жанровая сценка», ГТГ) [4, с. 694]. Последние годы жизни П.М. Шмелькова, до получения им пенсии в 1882 году, прошли безотрадно. Он продолжал работать в кадетском корпусе, и только недоразумения по службе заставили его отказаться от преподавания. Так, завершилась служебная карьера талантливого педагога и художника. Получив свободу в глубокой старости, прослужив сорок лет учителем рисования, П.М. Шмельков принял за исполнение картины «Чума в Москве» [4, с. 694]. Он заперся в мастерской, усиленно работал, делал множество рисунков и эскизов, готовясь к созданию большого полотна.

Однако, старость давала о себе знать: изменяло зрение, болезнь отрывала его от работы, сказывалась и недостаточная выучка.

Илл. 12. П.М. Шмельков. «Самосожигатели». 1869 г. Бумага, акварель // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

В порыве отчаяния, незадолго до смерти, он сжег множество эскизов и рисунков. В начале сентября 1890 года П.М. Шмельков простудился, слег и более уже не вставал. Скончался Петр Михайлович Шмельков 9 октября 1890 года.

Таким образом, творчество П.М. Шмелькова представляет собой ценнейший источник для познания тех социальных процессов, которые проходили в русском обществе. Блестящее сатири-

ческое дарование уживалось у П.М. Шмелькова с глубоким чувством жанра. После П.А. Федотова – это был самый совершенный и талантливый график, нашедший убедительную, вполне оригинальную форму для выражения своей мысли. Он был даровитый, первоклассный рассказчик, не виноватый перед жизненной правдой. Лучшим работам П.М. Шмелькова был свойственен глубокий психологизм, гуманное отношение к простым людям, вера в справедливость.

Список литературы:

1. Зограф Н.Г. Творчество П.М. Шмелькова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведческих наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва : Б.и., 1956. 16 с.
2. Кантор А.М. П.М. Шмельков. Москва : Изд-во: «ГМИИ им. А.С. Пушкина», 1950. 40 с.: ил. (Серия : Русская графика).
3. Козлов А.М. Петр Михайлович Шмельков. 1819-1890. М.-Л. : Государственное изд-во «Искусство», 1949. 34 с. (Массовая библиотека «Искусство»).
4. Козлов А.М. Петр Михайлович Шмельков. 1819-1890 / Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников / Под ред. А.И. Леонова. Москва : Государственное изд-во «Искусство», 1958. С. 675–694.
5. Петр Михайлович Шмельков / Авт.-сост.: Л.М. Тарасов. Москва : «Государственное изд-во изобразительного искусства», 1963. 12 с.: ил.
6. Рисунки и эскизы художника П.М. Шмелькова, с биографией, составленной С.В. Васильевым [Текст]. Dessins et esquisses de P. Schmelkow. Москва : Издание П.И. Харитоненко, 1890-1891 (типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев). Вып. 1. 1890. 8 с.: ил.; Вып. 2. 1891. 2 с.: ил.
7. Сарабьянов Д.В. П.А. Федотов и русская художественная культура 40-х годов XIX века. Москва : Изд-во «Искусство», 1973. 227 с.

References:

1. Zograf N.G. Tvorchestvo P.M. Shmelkova. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata iskusstvovedcheskih nauk / Moskovskii gosudarstvennii universitet im. M.V. Lomonosova. Moskva : B.i., 1956. 16 s.
2. Kantor A.M. P.M. Shmelkov. Moskva : Izd-vo «GMIИ im. A.S. Pushkina», 1950. 40 s.: il. (Seriya : Russkaya grafika).
3. Kozlov A.M. Petr Mihailovich Shmelkov. 1819-1890. M.-L. : Gosudarstvennoe izd-vo «Iskusstvo», 1949. 34 s. (Massovaya biblioteka «Iskusstvo»).
4. Kozlov A.M. Petr Mihailovich Shmelkov. 1819-1890 / Russkoe iskusstvo. Oчерki o jizni i tvorchestve hudojnikov / Pod red. A.I. Leonova. Moskva : Gosudarstvennoe izd-vo «Iskusstvo», 1958. S. 675–694.
5. Petr Mihailovich Shmelkov / Avt.-sost.: L.M. Tarasov. Moskva : «Gosudarstvennoe izd-vo izobrazitel'nogo iskusstva», 1963. 12 s.: il.
6. Risunki i eskizi hudojnika P.M. Shmelkova, s biografiei, sostavlennoi S.V. Vasilevim [Tekst]. Dessins et esquisses de P. Schmelkow. Moskva : Izdanie P.I. Haritonenko, 1890-1891 (tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev). Vip. 1. 1890. 8 s.: il.; Vip. 2. 1891. 2 s.: il.
7. Sarabyanov D.V. P.A. Fedotov i russkaya hudojestvennaya kultura 40-h godov XIX veka. Moskva : Izd-vo «Iskusstvo», 1973. 227 s.